

????, ??? ?????.

Проблема советского общества — в государственной собственности. Заметьте, не в общенародной, а в государственной, позволяющей чиновнику пользоваться правами собственника по отношению к общенародной собственности, не неся экономической ответственности за результат использования собственности и за ее сохранность. Административная и даже уголовная ответственность в этом случае проблемы не решают.

Исходя из этого диагноза, мы и предложили свое решение проблемы. Как общество вынуждено было отказаться от рабского труда, как оно отказалось от крепостного права, так пришла пора отказаться от наемного труда. И мы решили: отныне каждый работник нашего хозяйства будет присваивать результат своего труда сам. Но, если механизмы присвоения результатов чужого труда отработаны веками, то механизмы для союза собственников-совладельцев пришлось создавать самим. Первоначальная схема была довольно проста. Исходя из государственных закупочных цен и сложившихся затрат определили внутри хозяйства цену продукта на каждом этапе его движения. Эти цены были приняты за стартовые и за 11 лет нашей работы практически не изменились. Внутри союза собственников-совладельцев мы до сих пор считаем все в рублях образца 1991 года. Ничуть не хуже, чем в долларах и, на наш взгляд, — естественно.

Собственность не возникает из ничего. Если ты не иждивенец и не рассчитываешь на подарки, по крайней мере постоянно, то для того, чтобы продукт труда стал твоей собственностью по праву, все необходимое для производства на своем рабочем месте, нужно купить. И договориться с партнерами о доле в общих доходах.

Так, продавая результат своего труда друг другу, мы и перешли к рыночной экономике, основой которой является не спекуляция «прихватизированной» собственностью, а продажа результата своего труда. Поэтому и итог в конце года оказался, мягко говоря, отличным от результата «реформ» в России, да что говорить, просто отличным. Затраты на единицу продукции снизились в два раза, и мы впервые за многие годы оказались с прибылью. Это было в 1985 году. Все живое в мире обязано заботиться о развитии, о расширенном воспроизводстве. Материальное производство — не исключение. Поэтому мы определили долю дохода, которую каждый работник отчисляет на развитие производства. Таким образом, доход каждого работника делится на две части: «накопление» и «потребление». Из части «потребление» каждый работник оплачивает все материальные затраты (в том числе и амортизацию), услуги специалистов и обслуживающего персонала. Остаток является его личным доходом. Доход специалистов и обслуживающего персонала определяется в процентах от части «потребление» после вычета материальных затрат. Доля администрации определена в процентах от части «накопление». Появились и новые проблемы. Около 30 % работников оказались банкротами. Это были первые банкроты в СССР. Но вкус к самостоятельной работе оказался настолько силен, что, несмотря на огромное давление со стороны местных властей (напомню, что это был конец 1985 года), собрание решило работать по этим принципам и дальше. Здесь необходимо отметить еще

одно принципиальное отличие от «реформ» в России. Банкроты не «выбрасываются за борт», по нашему решению в течение двух лет убытки банкротов покрываются из страхового фонда, а затем погашаются из имущественного пая работника (об этом чуть дальше). Но дважды банкротом не становился никто. Люди быстро поняли, что это не шутки, а реальная экономическая ответственность за результат своей деятельности.

А дальше началось самое интересное. Годами мы не могли заставить людей думать об экономике предприятия, теперь же не было отбоя от вопросов. Первыми забеспокоились те, кто лучше работал и чья доля в инвестициях, соответственно, была больше. «Если результат труда — моя собственность, то и средства, идущие на развитие производства, — мои. Я хочу видеть свои деньги», — говорили они. Тогда мы завели личные счета на каждого, где записывали суммы, инвестированные конкретным работником. Тогда появились другие вопросы: «Если у меня на инвестиционном счете 10000 рублей, которые используются в производстве и дают доход, то почему я не вижу этого дохода, ведь за используемые основные фонды я плачу как и все?» Тогда в части «накопление» были определены доли для формирования дивидендов на имущественные и земельные паи. Дивиденды на земельные паи выплачиваются каждому жителю территории по праву рождения как совладельцу земли, а дивиденды на имущественные паи — пропорционально доле в общественном капитале.

Были сформированы страховые и резервные фонды из части «накопление». Остаток части «накопление» (инвестиции) распределили в долях между всеми участниками производства — непосредственными товаропроизводителями, специалистами, обслуживающим персоналом и администрацией. Это еще один важный момент. Некоторые «борцы за права рабочих», стремясь их сделать хозяевами, предлагают нанимать администрацию. Получается как в фильме «Свой среди чужих...»: «Бая ругаешь, а сам баем хочешь стать. И бить своих батраков будешь. Будешь, будешь. Это, брат, диалектика». Мы отменили наемный труд для всех, а не просто поменяли хозяев и рабов местами. Поэтому все действительно равны в правах и в отношении к создаваемому продукту, а, следовательно, и к инвестициям.

Следующий этап в развитии нашего союза начался с вопросов уже не работников, а пенсионеров. «Вы получаете дивиденды на свой капитал, а разве нашего труда нет в этом хозяйстве? Ведь мы начинали с сохи и лопаты, а вы сейчас на какой технике работаете». Отвечая на вопросы, действительно поставленные жизнью, а не высосанные из пальца, мы на третьем году работы должны были ответить на вопрос — чья же у нас собственность? Люди способны решить любые проблемы, но направление поисков решения определяется наличием или отсутствием совести. Есть совесть — тогда возникают ответы, исключающие несправедливость. Решили мы и эту проблему. Подняли все архивы с момента организации колхоза в 1936 году, посчитали прирост основных фондов за каждый год, выяснили, кто и сколько работал, создавая этот прирост. Распределили его между работниками пропорционально вкладу каждого. Просуммировали по годам и расписали по личным счетам. Таким образом, распределили капитал между всеми, кто его создавал. Если человек умер, его доля доставалась его наследникам.

Тут есть одно очень важное следствие. Поскольку каждый работник, используя прошлый труд, овеществленный в основных фондах, в первую очередь восстанавливает стоимость амортизированного имущества, то тем самым восстанавливает используемый капитал, а, значит, и прошлый труд своих предшественников. Следовательно, сколько бы лет ни прошло, личный инвестиционный счет каждого будет состоять из собственного капитала и капиталов своих предков. И всегда можно сказать: вот мой вклад в наше богатство, вот — моего отца, вот — деда, прадеда...

Тут наступил завершающий этап с точки зрения формирования структуры нашего союза. К нам обратились врачи, учителя и другие жители, не работающие в основном производстве. «Почему мы живем вместе, а живем по-другому? Не можем ли и мы жить так же?»

Конечно, можете. Давайте обсудим, какую долю дохода каждый работник готов выделить на образование, медицину, милицию..., как будем оценивать результат вашего труда и какова мера ответственности каждого. С тех пор мы и живем все вместе по принципам, которые мы сформулировали так:

- каждый гражданин является собственником результата своего труда;
- все граждане являются совладельцами природных ресурсов по праву рождения;
- каждый гражданин является собственником своей доли в общественном капитале.

Иногда спрашивают: «Это социализм или капитализм? С одной стороны — вроде рыночная экономика, с другой — что-то коммунистическое про результат труда. А уж общественный капитал совсем странное понятие, что-то вроде гибрида ежа и ужа. Я думаю, что найдутся люди, которые придумают название тому, что у нас получилось. Знаю только, что частная собственность и государственная собственность — лишь два разных способа отбирать у человека результат его труда и ясно, что этот тип отношений в обществе себя изжил. Вопрос только в том, сможем ли мы принять в обществе другие принципы общественных отношений, либо изжившие себя принципы изживут и нас.

Что же касается рыночной экономики, то, на наш взгляд, разговоры на эту тему не столько проясняют вопрос, сколько запутывают его. Так же как кибернетика оказалась вовсе не «продажной девкой империализма», так и рыночная экономика может существовать в любом обществе. Проблема лишь в том, кто и что продает. Продаются люди — получаем рабство, продается рабочая сила — получаем полурабство (в виде капитализма или социализма — не важно). Мы решили продавать результат своего труда. Продавец, естественно, тот, кто его создал. В результате получили принципиально иную систему общественных отношений. А форму собственности в нашем союзе называли индивидуально-общественной. Отсюда и название — союз собственников-совладельцев, когда каждый член союза является собственником результата своего труда, доли в общественном капитале и совладельцем природных ресурсов и общественного богатства.